

УДК 314.74

Ставров И.В.

Некоторые вопросы адаптации россиян в Маньчжурии в первой половине XX века

Some aspects of Russian's adaptation in Manchzhuria
in the first half of the XXth century

Статья посвящена изучению адаптации российских эмигрантов в Северо-Восточном Китае в начале XX в. Используя материалы Государственного архива Хабаровского края, автор демонстрирует культурно-просветительскую роль русских эмигрантов и знакомит читателя с проблемами их адаптации к инокультурной среде. Несмотря на активную просветительскую деятельность, российская диаспора в целом оказалось не восприимчивой к китайской культуре.

Ключевые слова: *Маньчжурия, Северо-Восточный Китай, российская эмиграция, адаптация, аккультурация*

This article is devoted to the problem of adaptation of Russian emigrants in North-East China in the beginning of XX century. Using materials of the State Archive of the Khabarovsk Territory, the author demonstrates the cultural and educational role of Russian immigrants, and introduces readers to the problems of adaptation to alien cultural environment. Despite the extensive outreach activities, the Russian diaspora as a whole was not receptive to Chinese culture.

Key words: *Manchzhuria, North-East China, Russian emigration, adaptation, acculturation.*

Вопросы истории российской эмиграции неоднократно поднимались в отечественной и зарубежной историографии. Не нова для науки и тема российской эмиграции в Маньчжурии. Ее изучением занимались такие авторы как Г.В. Мелихов, Е. Таскина, В.Ф. Печерица, О.И. Сергеев и С.И. Лазарева, Н.Л. Горковенко и Н.П. Гридина, Г.П. Белоглазов, Н.И. Дубинина и другие. Названными исследователями был проведен разносторонний анализ проблем адаптации русских мигрантов, рассмотрена общественно-политическая и культурная деятельность россиян.

Тем не менее, практически вне зоны внимания исследователей осталась такая важная проблема как восприятие и усвоение русскими эмигрантами китайской культуры. Нам удалось выявить ряд неиспользованных до сих пор архивных источников, на основе которых в настоящей работе мы попытаемся рассмотреть этот аспект жизни выходцев

из России в Китае.

Появление российских граждан в Маньчжурии связано со строительством Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), начатом в 1897 г. Опорным пунктом строительства был выбран г. Харбин, в котором концентрировалось русское население. С началом революции 1917 г. и вызванной ею гражданской войной начинается активный рост русскоязычного населения в Китае и, особенно, в его Северо-Восточных провинциях. К 1930-му г. численность русских составляла 125 тыс. чел, из них в Маньчжурии проживало 110 тыс. (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 218. Л 3-6). До 1934 г. россияне состояли в различных эмигрантских организациях, но с началом японской оккупации и провозглашением Маньчжоу-Го все эмигрантские организации стали подчиняться "Бюро российской эмиграции в Маньчжурской империи", через которое оккупационные власти установили контроль над россиянами. По окончании II Мировой войны начался массовый отток русских из Китая, который в основном заканчивается в 1949 г. с образованием КНР.

Вклад россиян в развитие Северо-Восточных провинций Китая весьма значителен. Деятельность русских эмигрантов можно разделить на культурно-просветительскую и торгово-экономическую. Благодаря русскому капиталу происходит промышленное развитие региона¹. Также весомый вклад внесли русские эмигранты в культурное развитие Маньчжурии. Они издавали более 250 журналов, газет и других периодических изданий на русском языке. Создавались научные общества, вузы (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 218. Л. 18-20). Именно культурно-просветительская работа россиян способствовала распространению русской культуры среди китайцев и наоборот. Остановимся подробнее на этой стороне деятельности эмигрантов.

Важный вклад в изучение региона внесло Общество русских ориенталистов. При освоении севера Маньчжурии русские поселенцы встретились с отрицательным отношением местного населения. Выход из сложившейся ситуации подсказали иностранные державы. Для более глубокого проникновения в Китай они создавали научно-просветительские общества, которые с одной стороны занимались изучением культуры, экономики, социального строя Поднебесной, а с другой – знакомили китайцев со своей культурой. К истокам создания Общества можно отнести деятельность русско-китайского собрания в Харбине в конце первого десятилетия XX века, которое было вскоре закрыто в связи с невыполнением поставленных целей. В дальнейшем была попытка создать "Восточный клуб", которая также не была воплощена в жизнь. Данные обстоятельства привели к идее сплочения российских востоковедов в Харбине и других городах Китая [4, с. 26].

Основной целью общества стало чтение популярных лекций. Эту попытку предприняли пекинские и тяньцзиньские ориенталисты, выпускники Восточного факультета Санкт-Петербургского университета и Восточного института (г. Владивосток). На организационном собрании, состоявшемся в Пекине 12 июня 1908 г., присутствовало 80 человек. На нем был избран комитет из пяти человек, которые должны были разработать устав Общества, его программу и т.п. Но разногласия не позволили претворить проект в жизнь. Тогда к идее создания общества вернулись харбинские ученые-востоковеды. 21 июня 1908 г. в Харбине состоялось совещание, на котором было принято решение действовать самостоятельно и в дальнейшем устранить разногласия между пекинскими, тяньцзиньскими и харбинскими учеными. Научными задачами

¹ Размер русского капитала в Маньчжурии составлял 1180 млн. долл., уступая только японскому (1800 млн.). Капиталы прочих стран составляли лишь 100 млн. долл. (См.: ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 218. Л. 14.)

общества стали: всестороннее изучение стран Восточной Азии и публикация в печати результатов исследований [4, с. 26].

На втором совещании (12 октября 1908 г.) был разработан проект устава и утверждено название организации – "Общество русских ориенталистов".

Важным результатом деятельности Общества стало издание журнала "Вестник Азии"¹, выпускавшейся с 1909 по 1926 гг. На его страницах печатали свои работы такие ученые как А.В. Гребенщиков, И.Г. Баранов, И.А. Добролювский, Н.В. Кюннер, П.В. Шкуркин и др. Их работы были посвящены исследованию социальных, политических, экономических проблем стран Восточной Азии, а также материальной и духовной культуры китайцев, маньчжуров и других национальных меньшинств, проживающих на Северо-Востоке Китая [См., например: 5; 6; 11].

Но научно-издательская деятельность Общества не ограничивалась только изданием журнала. Востоковедами Харбина издавались монографические исследования по различным аспектам жизни народов Китая. В частности, И.А. Добролювский опубликовал серию работ, посвященных китайскому Северо-Востоку [7; 8], И.Г. Баранов сконцентрировал свое внимание на изучении верований и обычаев китайцев [1].

Еще одним направлением деятельности Общества русских ориенталистов стала организация курсов восточных языков для российских служащих КВЖД. Работа по созданию курсов началась в 1911 г. В этом году было проведено заседание, посвященное образованию Семинарии восточных языков при Обществе. Российский посланец в Пекине И.Я. Коростовец готов был оказать финансовую помощь в размере 1200 руб. в год. Предполагалось ввести двухгодичные курсы, в рамках которых велось бы преподавание не только китайского, но и монгольского, маньчжурского и японского языков, а также географии, экономики и законодательства стран Восточной Азии [4, с. 34]. Однако из-за финансовых трудностей курсы были открыты лишь в декабре 1923 г.

Таким образом, итогами деятельности Общества русских ориенталистов стало всестороннее изучение истории и культуры стран Восточной Азии, также велась активная издательская деятельность, которая была прекращена в 1927 г.

Свой вклад в изучение региона внесло Общество изучения Маньчжурского края (ОИМК), образованное в начале 1922 г. [3, с. 263; 9, с. 127]. В отличие от Общества ориенталистов деятельность ОИМК была сосредоточена на исследовании природы Маньчжурии, создании природоведческих музеев, чтении публичных лекций. То есть ОИМК во главу угла ставило практические задачи, связанные с перспективами экономического развития региона. Результаты исследований публиковались в специальных периодических изданиях, таких как "Известия Общества изучения Маньчжурского края" (с 1923 по 1929 гг. всего вышло 10 выпусков), "Труды Общества изучения Маньчжурского края" (опубликовано 9 выпусков).

Деятельность научных обществ способствовала активному социально-экономическому развитию региона, распространению знаний о нем, как среди русского, так и местного населения. К сожалению, с началом японской оккупации Северо-Восточного Китая, их деятельность в основном прекращается, что, безусловно, наносит урон русско-китайским культурным связям.

Еще одной сферой деятельности россиян стала организация на территории Маньчжурии высших учебных заведений. Центром высшего

¹ Среди задач журнала были: "Удовлетворение интереса" читателей о "странах Азии"; знакомство с экономикой и культурой Японии и других государств Дальнего Востока и др. (См.: ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 2. Д. 17. Л. 68-68 об.).

образования стал г. Харбин. В 1920-е гг. в городе возникло два крупных вуза – Харбинский политехнический институт и Юридический институт (факультет). Действовали и более мелкие вузы – Институт ориентальных и коммерческих наук, Педагогический институт и др.

Юридический факультет просуществовал с 1920 по 1937 гг. Первоначально в его стенах работало пять преподавателей, а первый выпуск 1924 г. состоял из шести человек. Но в дальнейшем численный состав, как преподавателей, так и студентов увеличился до 50 и 1000 человек соответственно [4, с. 56-57]. Преподавательский состав факультета вел активную работу по изучению Китая. В частности, были выпущены исследования, посвященные законодательству, экономике, этническим проблемам страны [4, с. 58, 60]. В рамках вуза были организованы студенческие научные кружки – философский, гражданского и трудового права, литературный, востоковедный. Факультет издавал периодическое издание "Известия Юридического факультета", на страницах которого печатались работы не только юридического плана, но и по культуре Китая, его экономике, социальным отношениям, что способствовало лучшему познанию культуры страны-реципиента.

Сходная ситуация сложилась и в других вузах. Например, Институт ориентальных и коммерческих наук (просуществовал 10 лет) подготовил большое число специалистов-синологов.

Важно отметить, что в высших учебных заведениях, основанных русскими эмигрантами, обучались не только бывшие российские граждане, но и представители других национальностей. В частности, в Северо-Маньчжурском университете обучались русские, армяне, грузины, китайцы, корейцы, маньчжуры и др. (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 114. Л. 61).

Изучением истории и культуры Китая и стран Азии занималась не только профессура университетов, члены специализированных обществ, но и молодежь – та часть населения, которая наиболее восприимчива к изменениям. Так, при Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи действовал Союз национальной молодежи. Одной из сфер его деятельности была научная. Под эгидой данной организации находилось научное общество, в рамках которого было создано востоковедное направление (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 16. Л. 9-10).

Таким образом, одним из элементов этнокультурного взаимодействия россиян и китайцев была научно-просветительская деятельность. Россиянами были исследованы различные аспекты общественной жизни принимающей страны, а также ее природно-экономический потенциал. Во-вторых, было основано несколько высших учебных заведений, в стенах которых велась подготовка специалистов различных областей, в частности, востоковедов. Русские и китайские студенты в стенах ВУЗов взаимодействовали на бытовом уровне. Тем не менее, степень аккультурации россиян была не высока. Ниже мы рассмотрим некоторые факты, подтверждающие данный тезис.

Процесс аккультурации подразумевает не столько академическое изучение новой культуры, сколько восприятие ее на повседневном уровне. Таким образом, в данном отношении необходимо учитывать, сколько человек знает язык страны-реципиента, как на этих людей влияют традиции данного государства, частота общения с представителями другого этноса и т.п. [См., например: 12].

В фондах Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи находятся тысячи личных дел российских эмигрантов. Для предварительного ознакомления мы просмотрели шесть дел, взятых в случайном порядке, в которых содержалась информация по семи эмигрантам. Из них лишь трое знали иностранные языки, и ни один не знал

китайского языка (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 1, 110, 3451, 11505, 14067, 18414).

Как отмечалось выше, изучение китайского языка проходило в рамках Общества русских ориенталистов, а также вузов. С началом японской оккупации Северо-Восточного Китая и провозглашения марионеточного государства Маньчжоу-Го сократилось число курсов по изучению китайского языка и, наоборот, происходит распространение японского языка. В частности, среди лиц, чьи личные дела мы просмотрели, двое знали японский язык. Также, новое правительство вводило курсы японского в учебные программы (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 59. Л. 109).

Отражение процесса этнокультурного взаимодействия россиян и китайцев прослеживается при рассмотрении перечня официальных праздников русских эмигрантов (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 245. Л. 2). В этом списке нет ни одного китайского праздника. Среди знаменательных дат, которые отмечали эмигранты – Октябрьская революция 1917 г. ("День непримиримости"), гибель царской семьи ("День общерусского траура") и др. Как мы видим, эти даты были связаны с трагическими для России и многих эмигрантов событиями. Отсутствие китайских праздников в списке знаменательных дат, отмечаемых русскими, объясняется, вероятно, непонятностью, чуждостью китайской конфуцианской культуры для россиян [10, с. 3].

В рамках рассматриваемой нами проблемы, представляет интерес издаваемый русскими эмигрантами еженедельный литературно-художественный журнал "Рубеж", вышедший с 1925 по 1945 гг. в Харбине [2, с. 237]. На страницах этого журнала публиковались молодые литераторы, рассказывалось о жизни русских эмигрантов в странах Европы. Были там страницы, посвященные моде и т.п. Но обращает внимание тот факт, что в этом журнале нет почти ничего о жизни китайцев, культуре принимающей страны. Чаще всего, заметки о Китае состоят из фотографии и нескольких строк под ней (См. таблицу 1).

Таблица 1. Публикации, посвященные Китаю в журнале "Рубеж"¹

Год	Количество публикаций
1929 (первое полугодие)	22
1929 (второе полугодие)	41
1933	21
1940	2
1945	8

Таким образом, из данных таблицы видно, что публикаций, касающихся внутренних проблем Китая, его культуры, а также международных связей этой страны было немного. Это еще раз свидетельствует о том, что русские эмигранты, в основной массе, не были склонны к изучению страны, которая их приняла. Возможно, россияне считали свое пребывание на территории Северо-Восточного Китая временным, поэтому они и жили привычной для них жизнью, не вдаваясь в местные подробности.

Здесь также уместно упомянуть о программе радиопередач детского литературно-художественного кружка имени генерала П.Н. Краснова

¹ К сожалению, в библиотеке Государственного архива Хабаровского края содержится не полная подшивка указанного журнала. Полная подшивка имеется лишь за 1929 г., поэтому мы делим ее на два полугодия. Ввиду этого обстоятельства, данные, приводимые в таблице, могут быть неполными. В таблицу не были включены материалы, касающиеся проблем русских эмигрантов в Маньчжурии.

(ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 2. Д. 56. Л. 1-57, 77-83). Радиопередачи кружка были посвящены чтению сказок, стихов, что вполне естественно, но познавательные передачи, посвященные Китаю и другим странам Восточной Азии отсутствуют в них полностью.

Важным элементом этнокультурного взаимодействия, на наш взгляд, является вопрос о занятости в эмигрантских организациях представителей ханьского (т.е. китайского) народа. Просмотренные нами списки членов Бюро по делам российских эмигрантов за 1938 – 1942 гг. показали, что из 169 сотрудников лишь двое были китайцами – это Юй-Ван-Хай и Ху-Цай, работавшие, соответственно, преподавателем и драгоманом (ГАХК. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 19. Л. 29, 31)¹. Данный факт свидетельствует о закрытости эмигрантских организаций для представителей иных этнических групп.

Итак, в процессе приспособления российских эмигрантов к условиям Северо-Восточного Китая можно выделить два этапа. Первый – 1917 – начало 1930-х гг., характеризуется развитием системы русских вузов и научно-исследовательских организаций, распространением китайского языка. Вторым этапом охватывает период с начала 1930-х по 1945 гг. В это время происходит оккупация Северо-Восточного Китая Японией, сворачивается деятельность русских научных организаций и вузов, усиливается акцент на изучение японской культуры. Следствием стало замедление процесса адаптации россиян к местным условиям.

Анализируя материалы архива Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, а также периодические издания, мы пришли к выводу, что ведущим типом аккультурации в эмигрантской среде была сепарация. На это указывают следующие обстоятельства: во-первых, стремление сохранить свою исконную культуру, во-вторых, создание эмигрантских организаций, закрытых для представителей других наций, в-третьих, относительно низкий интерес к быту, нравам Китая, культурной отдаленности принимающей страны от России, в-четвертых, незнание китайского языка большинством эмигрантов.

Сепарация была ведущим, хотя и не единственным типом аккультурации россиян. В 1920-е – 1940-е гг. зарождается интеграционный тип взаимодействия среди отдельных групп эмигрантов, в первую очередь среди молодежи и, отчасти, интеллигенции. На это указывают факты создания научных обществ – академических и студенческих, стимулирующих интерес к стране-реципиенту, участие молодежи в совместных с китайцами спортивных мероприятиях и т.п. [13, с. 17]. Окончательные выводы на этот счет можно будет сделать лишь после детального анализа дополнительного числа исторических источников. Ведь по-прежнему неизученными остаются вопросы о точной численности эмигрантов, знавших китайский язык, количестве смешанных браков и т.п. В свою очередь, это прольет свет на историю русской эмиграции в Северо-Восточном Китае и поможет понять многие драматические страницы не только российской, но и китайской истории XX века.

¹ Объективности ради, стоит отметить, что в пятом отделе Бюро работало также два китайца: переводчик амбулатории Го-цзи-чжоу и уборщик Су-чжао-шен [См.: ГАХК. Ф. Р-830. Ф. Р-830. Оп. 1. Д. 62. Л. 11]. К сожалению, в документе не указана дата. Китайские имена мы передаем в редакции документа.

Литература

1. Баранов И.Г. Верования и обычаи китайцев. М.: Муравей, 1999. 348 с.
2. Володькина Е.В. "Рубеж" – журнал русских эмигрантов в Харбине // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. М-лы междунар. науч-практ. конфер. Хабаровск: Частная коллекция, 1998. С. 232-241.
3. Горбачева Г.Д. Издания ОИМК в библиотеке Дальгеолкома (г. Хабаровск) // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. М-лы междунар. науч-практ. конфер. Хабаровск: Частная коллекция, 1998. С. 261-267.
4. Горкавенко Н.Л., Гридина Н.П. Российская интеллигенция в изгнании: Маньчжурия 1917 – 1946 гг.: Очерки истории. Владивосток: ДВО РАН, 2002. 197 с.
5. Гребенщиков А.В. По Амуру и Сунгари. Путевые заметки // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 3-47.
6. Доброловский И.А. Исторические материалы к земельному вопросу в Китае. Пер. с кит. // Вестник Азии. 1922. № 48. 12-39.
7. Доброловский И.А.. Материалы к языку сунгарийских гольдов. Харбин: [б.и.], 1919. 334 с.
8. Доброловский И.А. Хэйлунцзянская провинция Маньчжурии. Харбин: [б.и.], 1906. 417 с.
9. Карсаков Л.П., Афанасьева И.А. Общество изучения Маньчжурского края // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. М-лы междунар. науч-практ. конфер. Хабаровск: Частная коллекция, 1998. С. 125-129.
10. Ларин В.Л. Дальний Восток России в Восточной Азии: проблемы внешнего воздействия и взаимодействия // Северо-Восточная Азия: Проблемы регионального взаимодействия (история и современность). Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Сер. Востоковедение. Т. 12. Владивосток: Дальнаука, 2003. С. 3-25.
11. Меньшиков П.Н. К русско-китайскому договору // Вестник Азии. 1911. № 8. С. 312.
12. Рябченко Н.П. Россия – Восточная Азия: проблемы культурных заимствований // Россия – Китай – Япония в Северо-Восточной Азии: проблемы регионального взаимодействия в XXI веке. М-лы междунар. науч. конфер. Владивосток: ДВО РАН, 2000. С. 134 – 140.
13. Харбинские спортсмены // Рубеж. Харбин, 1929. № 40. С. 17.